

ложении старославянских по своему происхождению конструкций еще никоим образом не может доказывать, что текст, в котором подобные синтаксические структуры обнаруживаются, был написан обязательно не русским переводчиком, а болгаринном.

Возбуждает в нас некоторое сомнение положение, выдвигаемое Бройером со всей категоричностью, о якобы безусловно южнославянской (а не восточнославянской) принадлежности и происхождении синтаксической конструкции придаточных предложений с союзом «да» и глаголом изъявительного наклонения в качестве сказуемого. Мы имеем возможность указать в рассмотренных в первой работе Бройера памятниках древнерусской литературы отдельные примеры подобного типа, которые ускользнули от внимания немецкого слависта. Так, в тексте «Повести временных лет» (в сказании о смерти Олега от своего коня) можно прочесть: «И повелѣ оседьлати конь: да ть вижю кости его» (по списку Ипатьевской летописи).⁶³ В параллельном тексте Радзивиловского списка находим «... а то вижю кости его».⁶⁴ Последнее предложение в разбираемом контексте несомненно подчинено первому, главному, и по смыслу является косвеннопобудительным. Вводится это предложение редким, но без сомнения собственно русским союзом «да ть» с характерной частицей «-ть», параллельно с этим употреблен в качестве подчинительного союза союз «а», осложненный частицей «то». Сказуемым же в этом придаточном предложении выступает глагол «вижю» изъявительного наклонения. Так ли уж очевидно его старославянское, а не русское происхождение? Не следует ли с большей осмотрительностью подходить к восточнославянскому синтаксическому материалу?

Далее, если даже и признать синтаксические модели с союзом «да» и изъявительным наклонением глагола в качестве сказуемого старославянскими, а не восточнославянскими по происхождению, то и тогда следует признать, что эти конструкции очень рано вошли в древнерусский литературно-письменный язык и достаточно свободно употреблялись во всех его жанрово-стилистических разновидностях, включая деловое письмо. Это может быть подтверждено примерами, взятыми из недавно найденных новгородских грамот на бересте. Так, в грамоте № 5 мы можем прочитать: «... молви дворянину Павлу, петрову брату, дать грамотѣ не дасть на него».⁶⁵ Это значит: скажи дворянину Павлу, Петрову брату, чтобы тот не давал на него (нашего сироту) дерноватую грамоту.⁶⁶ Пример близкой синтаксической структуры обнаруживается и в тексте грамоты № 361, найденной в 1959 г. и доступной пока только по ее предварительной публикации в статье А. В. Арциховского. В этой грамоте крестьяне или, может быть, приказчик сообщают феодалу о постигшем его земельные владения неурожая и предлагают ему: «поеди, г[осподи]не, по свою верешь, дать, г[осподи]не, не гнее».⁶⁷ Мы понимаем смысл этого письма так: приезжай, господин, за своим зерном, чтобы оно не гнило.⁶⁸

⁶³ ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стр. 29.

⁶⁴ Повесть временных лет, т. 1, стр. 30.

⁶⁵ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.—Л., 1953, стр. 32—34.

⁶⁶ См. обоснование нашего перевода и толкования данной грамоты в статье «Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка» (Вестник ЛГУ, 1958, № 2, стр. 95—96).

⁶⁷ А. В. Арциховский. Новые новгородские грамоты. — Советская археология, 1960, № 1, стр. 239.

⁶⁸ А. В. Арциховский в указанном месте толкует смысл этой грамоты иначе. С филологической стороны его понимание должно быть отвергнуто.